

Темней всего под фонарём

Руслан Мухаметшин

Руслан Альбертович Мухаметшин Темней всего под фонарём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23575525

Аннотация

Главный герой погряз в своих мыслях и одиночестве. Всё свободное время он бродит по городу, предавшись раздумьям и философии. Философии может быть много. Грязный реализм – то, что двигает мир, хоть вы об этом и не знали. Циничные и решительные люди нравятся всем. Но болезненные мысли отравляют жизнь герою. И жизни вовсе нет...

“Дождь. Есть в нём что-то особенное. Сначала, когда первые капли касаются асфальта, люди пытаются скрыться под чем-нибудь. Но если вокруг пусто, нет ни души в радиусе мили, только ты, дорога и две ноги, тогда смиряешься со всё усиливающимся ветром, который бьёт в лицо, хаотично разнося воду по округе. Идёшь, подняв голову и устремив взгляд перед собой, и ни о чем уже не беспокоишься. Одежда мокнет и превращается в грязную обузу, а мысли яснее, трезвеют, поражая небывалой «чистотой». Чистота – очень странная вещь, особенно странно бывает слышать её из уст людей. Людей, которые целые дни проводят на омерзительной работе, затем, с трудом перебирая копытами, несутся пить пиво из мутных мисок в ближайший кабаk, наполненный в вечерние часы визжанием таких же «усталых работников» под звуки кричащего телевизора. Они пьют, дерутся, а затем идут домой и избивают своих жен за грязный пол в доме. Нет, не говорите о чистоте. Люди пропитаны грязью, а потому уродливы. Они уродливо говорят и уродливо ходят. Их головы забиты ватой. Смерть большинства людей – выдумка. Умирать там уже нечему.

Вот, за что я так люблю дождь. Когда в тёплый солнечный день неожиданно впадают свинцовые тучи, резко затягивая небо. Когда раздаются первые раскаты грома, и мамы с детишками спешат убежать в дом. Когда улицы пустеют,

и капля за каплей попадают на землю. Это настоящее искусство”.

Люблю прогулки в одиночестве. В такие моменты полностью погружаешься в свои мысли, равномерный шаг и виды природы отправляют в нирвану. Сегодня я выбрался за пределы города и гулял, наслаждаясь видами бескрайних полей. Дорога одинокая. И такая манящая. Но нужно возвращаться.

За спиной раздался звук приближающегося транспорта. Это был сельский автобус, окрашенный в белый с большой зеленой полоской; окрашенный так давно, что ржавчина в некоторых местах могла сойти за изначальную задумку художника. Точнее маляра. Можно ли маляра называть художником? Я махнул рукой водителю, и, к моему счастью, автобус остановился, распахнув двери. Кивком поблагодарив водителя, я забрался внутрь. В салоне, на заднем ряду, ехали две старушки, раскинув свои безмерно большие сумки с овощами на несколько сидений. Выбрав место у водителя, я прислонился головой к окну и отключился.

Спал я наверно около получаса, потому что когда я открыл глаза, мы были в городе, а именно в самом его центре. Водитель приостановил автобус, и я вышел. Дождь уже прошёл, на улице стемнело, и город зажег свои огни. Весь мир вокруг неожиданно ожил и задышал. Люди улыбались, смеялись и наслаждались вечером. Было тепло, поэтому я расстегнул плащ и пошел медленным шагом по улице. Рукам

самое место в карманах, ведь так? Я взял путь к городской аллее. Проходя мимо лавочки, я увидел двух влюблённых, так сильно сжимающих друг друга, словно пытаются переломить позвоночники. Девушка встретилась со мной взглядом, я ей подмигнул. Почему бы нет? Черт, она так смотрит на меня. Может, у меня где-то порвалась одежда? Нет, всё в порядке. Пойду дальше. Сколько, интересно, сейчас времени? Должно быть, около семи. Город сегодня так красив! Кажется, что от каждый человек вокруг излучает жизнь! Фонари горят так уютно и так загадочно! Люди одеты так красиво и так интеллигентно: я словно провалился в позапрошлый век, когда каждый цивилизованный человек был интеллигентен, а потому красив.

Свернув с аллеи, я оказался в безлюдной улице, в конце которой одиноко светил фонарь. “Такие трущобы посреди города невольно напоминают мне события Лондона 1888-ого года. Тогда была такая же тёплая осень, как сейчас. По сути, вообще ничего с тех пор не изменилось. Люди живут, как свиньи, погрязшие в своих пороках. Они сосредотачиваются на разврате, деньгах, выпивке, похоти. Они не уважают свою жизнь, они ничего не желают и ничего не признают. Бездумно сглатывают всё, что им подсовывают, будь то “новая мужская бритва”, новый глупый закон или роман очередного бездарного француза. Политики, рекламщики, крупные бизнесмены, телевизор делают с толпой всё, что взбредет в их больные головы. И тогда на улицы прокрады-

вається ужас. Сентябрь 1888-ого запомнілся лондонцам, как кровавый месяц. Улицы перестали быть безопасными. Улицы стали угрозой. Черета убийств в Уайтчепеле от дерзкаго безумца под громким именем Джек Потрошитель заставила людей тряситься в панике. Полиция ощутила всю свою беспомощность. Лучшие констебли боялись по ночам патрулировать город. Три месяца крови и мести. Три месяца убийств. И непойманный убийца. Легенда.”

Погрузившись в мысли, я не заметил, как уперся в стену. Очевидно, тупик. Я развернулся, но позади не увидел ни огонька света: абсолютная чернота. Медленно ступая на ощупь, я побрел в поисках выхода из этого глупого переулочка. Как же темно! Прошла минута, может две, может час, я увидел слева от себя фонарь. Это был тот самый фонарь, который одиноко освещал мне путь, когда я повернул сюда. Только теперь он не горел. В темноте он казался необычайно уродливым: тонкий, сгорбившейся и старый. Очевидно, очень старый. Впереди я слышал шум и ускорил шаг. Спустя четверть минуты, я снова стоял на аллее. Как же здесь очаровательно! Чертовски очаровательно! После этих мыслей у меня поднялось настроение, и я зашагал вперед, заставляя прохожих думать: «С чего этот болван так разинул рот?». Но мне было плевать, я улыбался и был неотразим.

Решив, что было бы не плохо чего-нибудь выпить, я перешёл дорогу и направился к бару, который приметил ещё в прошлый раз, когда гулял здесь. Вывеска гласила: «В пят-

ницу-развратницу горячие цены на бренди!». Перебирая в голове, какой же сегодня день, и мысленно пытаюсь вспомнить вкус бренди, вошел внутрь. В помещении было пусто, бармен одиноко сидел за стойкой со скучающим видом. Как только он меня заметил, губы его растянулись в служебной улыбке, и он торжественно произнес:

– Здравствуйте, сэр!

Я молча кивнул ему в ответ и остановился. Четыре небольших столика с высокими стульями, стоявших тут, казалось, сегодня ни разу не использовались, поэтому я решил ничего в этом не менять и прошёл к стойке.

– Чего угодно? – снова растянулся в улыбке этот милый парень.

– Кофе.

– Какой именно кофе вы желаете, сэр? – снова улыбка.

– Латте. Хотя нет, лучше капучино, – сказал я, тоже широко улыбнувшись. Мне показалось забавной моя острота.

– Какой объем, сэр?

Черт, меня начинает раздражать этот парень. В другой день я бы уже нахамил ему. Но не сегодня. Сегодня у меня хорошее настроение.

– Поменьше. Я планирую хорошо выспаться, – ответил я и улыбнулся. Тот кивнул и принялся за работу, а я, отдыхая от его расплывшегося рта, стал изучать всё вокруг. Единственная здесь лампочка горела над полкой с напитками и создавала необычайный уют в помещении. Такое освещение

называют ламповым. Ламповый сродни уютному, все любят уют. “Люди чертовски помешаны на уюте. Уют, комфорт. «Позвоните и мы приведем вам пиццу на дом. Повышенная комфортность!», – кричат нам рекламщики. Комфорт нужен лишь неудачникам. Пока сидишь в комфорте никогда не двинешься вперед. А такое тебя устроит!”

Я вернулся к изучению помещения. Интерьер был сделан под классический американский бар из фильма, где какой-нибудь крутой парень неспеша попивает свой виски из стакана, наблюдая за очаровательной красоткой. Мне определённо нравится здесь. А что это за бармен? Очевидно, он еще студент и работает здесь, чтобы оплачивать учёбу, либо он бездельник и хозяин позволяет напиваться ему после рабочего дня остатками пива, судя по его довольному лицу. Может быть, и то и другое сразу: студенты и есть бездельники. А все-таки, лицо слишком довольное. Я хотел сказать «рожа», но сегодня я в хорошем расположении духа, поэтому этот парень удостоится красивого лица.

“Красота у людей ценится слишком серьёзно. Жирные толстосумы готовы отдавать все слюни какой-нибудь красотке, которая потом отсудит у них половину состояния и сбежит со смазливый мальчиком с обложки журнала про бодибилдинг. А наивные толстушки, убивающие всё свое время в офисе, каждый раз обещая себе с понедельника записаться в фитнес-зал, сходят с ума по красивым парням, которые и не посмотрят в их сторону. И все потом страдают, все по-

том плачут. Страдания – это единственное, чего заслуживают люди.”

– Ваш кофе, сэр! – громкий голос бармена заставил меня вздрогнуть, оторвав от мыслей. О чем я хотел подумать? Вот гадость, уже и не вспомнить! Память, изменчивая же ты женщина!

Я протянул руку и взял напиток. Теплый. Я начал пить, прихлебывая на весь бар, но меня это ничуть не смущало. Стал думать о напитках и воде, про которую так любил рассказывать диктор из телевизора, мол ее нужно выпивать не менее двух литров в день. Знал бы этот диктор чего выпиваю я в день два литра! Обратился к бармену с вопросом о состоянии его дел, что вывело нас с ним на диалог. А он славный малый! Поболтав несколько минут, я наконец допил кофе, расплатился и вышел.

Какой прохладный и свежий вечерний воздух... По привычке я глянул на руку, желая там увидеть часы, но напрасно. Где я мог их потерять? И как давно? А, ладно! Запахнув плащ я побрел вперед, чтобы выйти на главную улицу. Настроение ничуть не упало и я с интересом разглядывал прохожих. Молодая женщина идет под руку с престарелым мужчиной. Хм, наверно, ее отец. Одинокая старушка с сумками в обеих руках. И где же пионеры, когда так нужна помощь? Ах да, кажется, они вымерли. Немного впереди мне навстречу шли две девочки в одинаковых курточках и одинаковых вя-

занных шапках. А на улице только начало сентября! «Что они делают тут одни?» – подумал я и почти отвернулся. Но впереди я заметил кое-что, что привлекло мое внимание.

Через семь шагов, за ними, в толпе, шел грузный мужчина в кожаной куртке, кепке с ушами и кожаных перчатках с мехом. Шел, облизывая губы и не сводя с девочек глаз. Шел, синхронно повторяя их шаги, размахивая руками так, словно уже ими готов зацепить кого-нибудь за воротник, зацепить и утащить. Что я мог подумать? В голове сразу мелькнула история из фильма «Милые кости», где мужчина изнасиловал маленькую девочку и скрывался от полиции на протяжении нескольких лет... Я остановился и обернулся. Мужчина продолжал следить за девочками, и, казалось, стал пугливо осматриваться. Что мне делать? Я впал в ступор. «Наверное, мне просто показалось. Зачем я сейчас буду идти за ними черт знает сколько, если это окажется лишь моим разыгравшимся воображением! Лучше пойду поскорее домой и прилягу», – убеждал себя я. Но дурные мысли не покидали голову. А вдруг, мне не показалось? Сколько историй с маньяками мы слышали за последний год? Сто? Двести? А может тысячи? «Но с чего бы история с маньяком случалась бы именно здесь, именно рядом со мной?» – мелькнула мысль. Нет. Где же ещё? Если не со мной, то с кем? Они повсюду, они всегда рядом. И им я могу помешать.

Я увлекся героическими мыслями и одернул себя. Мне всё-таки кажется! Это определенно моя выдумка. Но я еще

раз оглянулся. Мужчина продолжает свое преследование, а девочки болтают и смеются, ничего вокруг не замечая. Нет, сомнений быть не может!

«Пойду за ними, пока этот мужчина не свернет куда-нибудь. Мне нужно убедиться», – решил я и зашагал за ними. Теперь преследование стало длиннее. Мужчина за девочками, а я за мужчиной. Мы шли в противоположное нужному мне направление, и с каждым шагом я становился все раздражительнее. Людные улицы давно кончились, и мы шли по пустынным закоулкам. «Когда ты уже свернешь?!» – ругался я, готовый уже свернуть шею этому мужчине просто так. Но мужчина не сворачивал. Более того, он, казалось, уже не скрывает того, что преследует этих девочек. Расслабил плечи и пошёл достаточно уверенной походкой. Готов спорить, что на губах у него появился гнилой оскал.

Дома вокруг выглядели ужасно: старые, деревянные и покосившиеся сараи с прогнившими досками. Эти постройки словно чувствовали, что сейчас совершится что-то недоброе, поэтому стояли в гордом и молчаливом ожидании. Мы снова свернули и оказались на еще меньшей улице. Заборы стояли недалеко друг от друга, и расстояния едва хватало, чтобы пройти двоим. Я сжал кулаки и ускорился.

Наконец, впереди я заметил небольшой двухэтажный дом, покосившийся от старости, но весьма крепкий на вид: туда видно и направлялись девочки. Мужчина тоже ускорился. Неожиданно быстро он нагнал девчонок и резко схватил од-

ну за шиворот. Раздался громкий крик. Вторая девочка стала плакать и пинать мужчину, но тот не ослабил хватку.. Я бросился к нему. Мужчина заметил меня и побежал вперед с девочкой под мышкой, желая скрыться во тьме. Не сегодня, приятель. Полный решимости я набирал скорость, готовый с разбегу повалить его на землю и забить до смерти.

Я близко. Дышу ему в спину. Ближе. Хватаю за шею, разворачиваю. Удар. Он валится, девочка валится, я валюсь. Я упал прямо лицом в землю. Медлить нельзя. Изо всех сил отрываю себя от земли и поднимаюсь. Мужчины нет. Девочка метрах в трех от меня бежит к своей сестре, они хватают друг друга за руки и бегут в направлении к дому.

Что ж, наверно, я его здорово спугнул. Только теперь очень сильно ноет голова: упал я не слабо. Я обошёл улицы вокруг и нигде не обнаружил ни души. В окнах дома, куда убежали девочки, зажегся свет, и в этой мертвой тишине на всю улицу раздался взволнованный голос их матери, которая слушала то одну, то другую девочку, пытаюсь понять их сбивчивый рассказ.. «Наверное, выглядит она сейчас ужасно испуганной», – думаю я. Решив, что сделал достаточно, и что я напугаю женщину еще больше, если постучусь к ней в дверь с объяснениями, я решил убраться отсюда подальше. Что это вообще за район? По-моему, здесь я впервые.

Я побрел назад и вышел на какую-то широкую улицу. Через пять минут без труда поймал такси и, назвав свой адрес, задремал.

Придя домой, я включил везде свет и глянул в зеркало. Вид у меня ужасающий. Неудивительно, что тот мужчина сбежал, увидев меня. Переодевшись, слегка поужинал и лег в кровать. Ну и денек был сегодня. Теперь нужно хорошо отдохнуть...

2

Я проснулся после полудня. Оказалось, что ночью я все не переодевался, а лег в том, в чем пришёл. Это было странно... Я стянул брюки и начал рыскать в шкафу в поисках других. Справившись с этим, стал искать себе другую рубашку. Шкаф. Рубашка. Утюг.

Закончив с одеждой я перебрался на кухню, чтобы приготовить завтрак. Поставил чайник на огонь, умыл лицо, сел за стол. Вечер вчера был очень необыкновенный. Часто бывает, что на утро, проснувшись, кажется, что все приключения происходили вовсе не с тобой, а с кем-то другим, там, в фильме или во сне. Но всё это было наяву. Со мной. Вчера. Я решил отвлечься и стал думать о женщинах. Несмотря на мою удаленную работу, у меня было много знакомых, в том числе женщин.

“Я из тех, в кого влюбляются, и по кому сходят с ума. У многих парней просто не хватает мозгов, чтобы завязать разговор с кем-то помимо их толстого друга. Их сознание ломается, разбитые парни бросают мысли об успехе и начинают общаться только с такими же неудачниками. Быть неудачни-

ком просто. Легко находить оправдания в несправедливой жизни. Находить оправдание в неправильных женщинах. В неправильных ценностях. Такие парни отстраняются от жизни и замыкаются в себе. Трусы всегда бегут. Чтобы иметь успех среди людей, нужно лишь соблюдать ряд простых правил: просто быть решительным, свободным и обаятельным. Нужно просто быть мной”, – шепчет мне на ухо собственный внутренний голос. Как приятно он звучит.

Свист чайника. Заливаю кипятком дешевый кофе. Пока пью, достаю телефон и проверяю почту и звонки. Накопилось уже восемьдесят шесть пропущенных от различных людей. Надо бы хоть позвонить кому-нибудь. В последнее время я ни с кем никуда не выбирался. Раньше вроде бы неплохо общался с Алисой, надо бы позвонить ей. Достаю телефон и набираю номер. Гудок. Второй. Третий.

– Алло? – приятный женский голос слышится с той стороны провода. – Алло, кто это? Марк, это ты?

Моё дыхание неожиданно учащается, я не выдерживаю и бросаю трубку. “Увидимся в другой раз” – шепот в голове. Начинаю рассматривать свою кухню. Квартира у меня небольшая: две маленькие комнаты, кухня, санузел. Как у всех. Встаю и подхожу к шкафу. Рядом, на полке, лежит блокнот, иногда я записываю туда странные мысли, которые кажутся мне важными. Стоит записать вчерашний вечер.

Весь день я читал: в последнее время меня увлекают ста-

тьи о знаменитых серийных маньяках, их методах убийств, их жертвах, и о том, как их ловили. Мне нравятся их истории, жизни, полные событий.

“Они одинокие орлы, загнанные стаей свиней. Даже свиньи, объединившись, могут иногда побеждать,” – невольно всплывают навязчивые рассуждения.

Около шести вечера на улице стало темнеть, поэтому я решил пойти размять кости и насладиться дивным вечером. Быстро одевшись, я спустился вниз. Ох, этот прекрасных запах! Запах заходящего солнца. Улыбки. Веселье. Жизнь. Я пошёл уверенным шагом по улице, с любопытством поглядывая по сторонам. Из-за угла выскочила бодрая старушка, рот которой кривился в довольной улыбке, и громким голосом проговорила:

– Счастья вам, молодой человек, и удачи. Пусть всегда у вас будет удача и отличная любовь.

– И вам удачи, мэ. Особенно в любви, – ответит я.

Какая милая женщина. Мы обменялись кивками и разошлись. Настроение мое взлетело еще выше. Фонари уже зажглись и одарили своим приятным светом всех, кто имел счастье оказаться сегодня на улице.

Вечер – особенное время суток. Вечер – это закат дня. Именно на закате понимаешь, насколько же хороша жизнь. Вечера часто люди проводят дома, потеря на диване после тяжелого дня, но они не понимают, что день не был тяжелым, что они вообще знают о тяжестих? Никогда не нужно упус-

кать своих возможностей и никогда нельзя упускать вечера. Вечер – это целая история, которую ты можешь пережить и вспоминать утром следующего дня, как отличный фильм. Стань же режиссером своей жизни, болван!

Я подошел к остановке и сел на первый попавшийся автобус, желая довериться судьбе. Людей было много, и места не хватало. Тесно. Слишком тесно. Водитель явно не заботился о пассажирах: автобус метало вверх-вниз, как во время землетрясения. Какой-то тип грубо намекнул водителю о том, что тот везет вовсе не дрова, а живых людей, на что водитель промычал что-то невнятное, однако, аккуратнее ехать не стал. Я хотел задуматься, чтобы потом очнуться сразу в нужном месте, но мысли как назло не лезли в голову. Вдруг автобус резко затормозил, и все пассажиры покатались по салону, затем, спустя секунду, автобус так же резко рванул вперед, а мы так и остались наполовину лежащими. Диагональными людьми.

Вскоре я вышел и оказался в одном из центральных районов города, поэтому пришлось влиться в поток спешащих куда-то людей. Город дышит. Впереди шли две пухленькие подруги, которые планировали начать с понедельника новую жизнь: записаться в зал, начать читать книги и наконец найти себе мужчину.

“Никогда не начинайте ничего с понедельника. Понедельники для законченных слабаков. Нет никого хуже, чем идет, который решил внести перемен в жизнь с понедельника.

Это самый большой самообман. Нет, ничего не изменится. Люди вообще не склонны меняться. Перемены для сильных людей. Если ты решил поменяться, то не жди не секунды. Осознание необходимости перемен может перестать казаться таким острым, и ты уже никогда не выберешься из этого болота. Но сколько идиота не мотивируй, все, что ты получишь – это замотивированный идиот. Я же не зря стараюсь?”, – с грубым тоном разносятся мысли в голове, как звон гонга разносится в тишине, плавно наполняя пустоту вокруг своим звучанием.

Неожиданный громкий гудок машины. Я вздрагиваю.водитель что-то кричит мне нецензурной лексикой. Оказалось, погрязнув в мыслях, я выскочил на дорогу. Странно, как я не заметил...

Вернувшись на тротуар, первым делом огляделся. Декорации вокруг поменялись: яркие улицы с красивыми домами и красивыми людьми сменились гадостью. Несколько деревянных построек были хаотично разбросаны по сторонам, справа виднелись недостроенные каменные дома без крыш, без лестниц, без украшений. Я побрел по улице, в надежде выйти обратно к людям. Но, казалось, улица думала иначе. Чем дальше я шел, тем уродливее постройки она мне подсовывала. Наконец, я свернул в сторону и увидел перед собой дом, который показался мне необычным. Крыша его, уже начавшая гнить и рушиться, была черная, как уголь, а в кое-где

черепица уже не выдержала многочисленных дождей и провалилась, образовав дыры. Перекосившийся от тяжести жизни забор уже вовсе не препятствовал проникновению на территорию, весь двор, который он тщетно пытался скрыть, был виден с улицы. По середине двора лежала груда гнилых от многочисленных дождей досок, напоминавших сломанную телегу, на вершине которой птицы свили гнездо. Трава была (если это вообще была трава) желто-черной от осеннего гниения. Сам дом был выкрашен в противный кисло-зеленый оттенок, белые помутневшие окна его совсем не желали показывать ничего из внутренностей темных комнат. Дверей не было, точнее, они стояли совсем рядом с проемом, старые и грязные. Вид был дикий и устрашающий.

Я остановился и оглянулся по сторонам: вокруг было пусто. Когда я снова перевел взгляд на дом, то на моем лице, должно быть, отразилось удивление, потому что в глубине комнат я заметил ярко-желтый отвратительный свет. Благодарение советовало мне уйти. “Я не боюсь опасности, но боюсь неудовлетворенного любопытства”, – шепнул мне внутренний голос.

Я без раздумий медленно двинулся вперед, стараясь не шуметь. Подойдя вплотную к дверям, я просунул голову внутрь. Пахнет чем-то гнилым, может здесь тоже растёт трава? Было бы неудивительно. Шагнул в дом. Слева находилась маленькая комната, напоминающая кладовку. Справа была запертая дверь, хотя, возможно, она бы легко открылась, но

желания к чему-либо здесь прикоснуться не было совсем. Я продолжил путешествие в глубь дома. Неожиданно, в комнате слева, располагающейся в трех шагах впереди меня, что-то упало на пол и покатилося.

– Агхм! – раздался грубый мужской бас.

Страха я совсем не ощущал. Внутри меня словно созрела какая-то неведомая сила, которая в любой момент готова была выйти наружу, поразив всех, кто находился бы рядом. Ни капли сомнения. Я заглянул в комнату.

Посередине стоял маленький стол советских времен, за которым сидел мужчина с противным грязным лицом и огромным брюхом. Маленькие бесцветные глазки дико поблескивали, растаявший нос занимал половину лица, а волосы беспорядочными комьями спадали на уши. Лоб у него был до того безобразный и неестественно широкий, что казалось будто это вовсе не лоб, а большой потрескавшийся пузырь. На нем не было рубашки; руки держали засаленный нож и беспокойно что-то царапали на деревяшке. Рядом стояла сгорбленная женщина преклонных лет, с морщинистым лицом, одетая в старинное платье черного цвета, выпачканное в грязи. Дряхлый ввалившийся рот ее улыбался с каким-то дьявольским злорадством.

Я продолжал молча глядеть на них, затаив дыхание, в голове стремительно проносились разные мысли. Что эти люди здесь делают? Может, бездомные?

Вдруг женщина подошла к столу и что-то сказала, точно

сова ухнула, сделала круговой поворот на месте, развернулась и затем уселась рядом, спиной ко мне. На губах у мужчины промелькнула ухмылка. Неожиданно вовремя я вышел из состояния оцепенения и шагнул назад. Попятившись к выходу, я забыл об осторожности, и пол подо мною предательски заскрипел. С кухни раздался неистовый сатанинский визг и гогот. Хохотал мужчина. Хохотал, захлебываясь в собственных слюнях и издавая похрюкивания. Хохотал, злобно оскалив свои желтые поблескивающие зубы. Я развернулся и вылетел на улицу. Злой на самого себя я бежал, а все вокруг расплывалось скользящими в памяти образами. Оглянувшись и убедившись, что меня никто не преследует, я закутался в свой плащ и быстрым шагом ушел.

“Темными, узкими, грязными улицами и переулками я пробираясь к дому. Почему-то испытываю странное наслаждение и невероятную силу, когда воображаю, как мог бы бродить здесь в темноте и одиночестве, ненавязчиво преследуя какого-нибудь запоздалого прохожего. Осенью 1888-ого точно на таких же улицах творилась история. Одна за другой жертвы гибли в грязи, где же под утро их находили полицейские в ужасном виде. С точностью хирурга были вырезаны части их тел, превращаясь симфонию. Симфонию из человечества, человеческую симфонию”, – шепчет мне мой голос, который я не в силах заставить молчать. Иногда, такие мысли пугают меня. Но это лишь мысли, лучше всего просто

отбросить их...

***

Ранним утром в моей квартире раздался звонок в дверь. За ним последовала непродолжительная тишина, а затем раздражающий звон повторился. Я медленно встал с кровати. На пороге стоял коренастый мужчина в синей куртке и такой же ярко-синей сумкой в руках. Он попытался вручить мне какое-то письмо, что-то бормоча у себя под носом. Взяв его, я тут же закрыл дверь, задев его длинный и сующийся ко мне в дом нос, и вернулся в комнату, увалившись в постель. Спустя какое-то время тело начало ломить от долгого сна, поэтому было решено пойти позавтракать. Сковородка. Плита. Яйца.

– А кто-то сейчас напивается в какой-нибудь дыре – мелькнуло в голове.

“Они думают, что выглядят круто, когда пропивают себя. Но они не могут пропить себя, у них нет себя. Пустышки. Саморазрушение. Модное нынче словечко. Но они забывают, что чтобы разрушить что-то – нужно что-то построить. А когда возьмешься за стройку, разрушать уже никогда не захочется”.

Очнулся и принялся оттирать яйца от сковороды. Нужно занять себя чем-то. Тут я вспомнил про письмо, и поплелся в комнату, чтобы его отыскать. Что-то про местные выборы,

приглашение на них?..

“Молодежь настолько глупа, что даже не может сформировать свои политические взгляды. Спроси любого. «Какая политика?» – ответят тебе, – «Мы не интересуемся политикой!». А живете-то вы в политике.

Все рассуждают о всевышнем и смысле жизни, о чудесном спасении людей богом. А взять будущее мира в свои руки не приходит в голову никому. Они же не политики”.

3

В эту ночь мне приснился странный сон. Точнее, я не уверен, сон ли это был вовсе. Грани сознания расширяются и ты уже не отличаешь сны от реальности. Что такое реальность? С чего ты решил, что ты реален? Всё это просто слова, но когда ты вникаешь в их смысл, становится жутко.

Мне приснилась моя прогулка. На улице стоял ясный безоблачный день, солнце находилось еще высоко в небе и ярко освещало безлюдные улицы. Вокруг громоздились невысокие приветливые дачные постройки, которые всем своим видом излучали спокойствие и безмятежность. Я неспеша шел по проезжей части. Идти по дороге и не думать о том, что ты можешь быть задавленным – это что-то! Грудь расправляется и спокойно впитывает в себя весь воздух, голова гордо поднимается, и в мыслях разносится: «Свобода...».

“Сотни лет наши предки боролись за свободу. Свобода –

смысл их жизни. То, что заставляет трепетать и вдохновляет на любые поступки. Революция, убийства, войны – все во имя свободы. Теперь люди не понимают, что значит это слово. Свобода – бессмысленная побрякушка нашей цивилизации. Только тот, кто утратит свободу, по-настоящему поймет ее ценность. Но что, если я скажу, что ты не имеешь свободы? Врядли ты согласишься мне. Ведь чем больше, явнее и чудовищнее обман, тем сложнее в него поверить. «Первое правило разводки – убедить жертву, что это она все контролирует». Что у нее есть конституция, права...»

Прогулки пешком необычны для меня, поэтому такую необыкновенную легкость испытывал я, когда шагал вперед, щурясь от солнца. Впереди улица заворачивала вправо, и я сделал шаг еще медленнее, готовясь развернуться, упершись в тупик. Так и было: дорога привела к частной территории, и я был готов уйти, но взгляд на секунду задержался на ней. Весь двор территории был усыпан врубленными в землю, в доски, валявшиеся рядом, в стены дома, в машину топорами. Топоры были разных размеров и цветов, их потрясающе огромное множество заставило меня вытянуть лицо. Я прошел вперед и стал кружиться в топориной опере. Я кружился и терял равновесие. У маленького одноэтажного домишки стоял сарай, за которым красовалась деревянная стойка для лыж с самими лыжами. И вновь, топоры. Топоры были везде. Я ходил среди них, и вытаскивал из земли, с изумлением разглядывая лезвие. Моя голова становилась все тяжелее,

мои глаза становились огромными и, казалось, уже занимали половину лица. Я брал топоры и бросал. Брал и бросал...

Неожиданно я проснулся. На часах было семь вечера, а за окном шумели эти люди, возможно, радуясь какому-то очередному выдуманному празднику.

“Не бывает плохих и хороших людей. Все люди – лишь набор факторов, повлиявших на их развитие. Люди, друзья, родственники, фильмы, книги – все, что было в жизни комбинируется и создает характер человека, уникальное и неповторимое сочетание повлиявших обстоятельств. Люди разные. Кто-то после работы хлещет пиво перед телевизором, кто-то таскает теще огурцы из погреба, а кто-то едет в багажнике. Все заняты. Все разным. И у каждого в кармане находится свой личный грешок, который ужаснет любого. Но у любого в кармане лежит такой же. Не показывайте никому свои карманы.”

Кто же безумен? Я упал на землю. Вокруг была улица и люди. Поднимаюсь и иду вперед. Дома все ближе друг другу, улицы все уже. Я иду и разбрасываю по сторонам содержимое моих карманов, будто доктор Джекил разбрасывает свои сбережения по площади. Фантики, билеты, мелочь. Наполнишь мелочью свою жизнь, и она становится свалкой.

Улица пленяла своим одиночеством. Длинная широкая дорога, освещенная ярким желтым светом высоких столбов. Темные, но красивые здания, тянущиеся вперед, далеко-да-

леко. Мысли, в которых ты можешь полностью потонуть. И в таких мыслях нужно тонуть. Я иду и не замечаю никаких препятствий и событий, которые могли бы меня прервать. Ноги плывут в пространстве, а мозг непрерывно работает и иногда подкидывает самые необычные и странные идеи. “Никто не заберет мою душу, я живу, как Джим Моррисон...”* – песня в голове напеваётся сама по себе.

(*-имеется ввиду песня американской певицы Lana Del Rey – Gods and monsters...)

Однажды в далеком детстве, от дедушки я услышал древнюю японскую мудрость, смысл которой заключался примерно в этом: «Даже если в жизни меч понадобится тебе всего лишь раз, носить его нужно всегда». Помню, как восхищенно я тогда посмотрел на деда и стал допытываться, как он это придумал. Я любил холодным осенним вечером залезть на чердак со своим дедушкой и сидеть в кресле, укутавшись теплым пледом, и, слушая его истории, наслаждаться моментом под ласковые звуки его бодрого голоса. Поговорка, которую он передал мне тогда не раз выручала меня. Я не был бы сейчас здесь, если бы каждый раз, когда меня прессовали, сикал бы в штанишки. Нет, это не для меня.

Дорога все тянулась вперед и вполне устраивала меня своей бесконечностью. Я вспомнил, как услышал об убийстве в нашем городе впервые. Мне тогда было около восьми, по телевизору грозный диктор прервал мой любимый фильм со срочной новостью. Говорили что-то о пропавших близне-

цах, показали фотографию подозреваемого. Это был пожилой мужчина, одевавшийся как старик. Помню, как испугало меня его ухмыляющееся лицо, помню, какое отвращение к нему я тогда испытал.

Справа неожиданно погасло освещение, и я посмотрел на фонарь. Тонкий, сторбившийся и старый. Удивительно, что он вообще горел. Казалось, жизнь его затухла много лет назад. Я прошел дальше в темноте и осмотрелся. Каменный забор загораживал разваливающийся на части завод, помнивший времена великой революции. Здание слева от меня было выполнено в стиле между готической и сталинской архитектурой. Разбитые решетчатые окна гнали душу в пятки; они словно передавали всю свою грусть и мрачность любому, забредшему к зданию завода. На конце улицы погас очередной фонарь.

Я вспомнил, как когда мне исполнилось девять, мы с матушкой выходили поздним вечером с подобного завода. Был холодный зимний вечер, и, одевшись по погоде, я чувствовал себя так же уютно, как в кровати под одеялом. В ту пору у меня были раздражены глаза, сосуды полопались, и красные струйки исполосовали весь зрачок. Казалось, любой, взглянувший мне в глаза мог увидеть свой страшный кошмар. А еще мне казалось, что я стал отлично видеть в темноте, мог разглядеть ту жуть, которая скрывается в темной половине мрака. Что тогда я только не нафантазировал...

“Зачем нам фантазия? Есть люди, брюзжащие и пуска-

ющие гневные слюни на любого, погрязшего в фантазиях. «Хватит мечтать, живи в реальном мире!», – визжат они. А где он, реальный мир? Грязь, коррупция, насилие, убийства, война, бесполезное и бессмысленное существование. «Не принимайте наркотики, посмотрите, как прекрасна жизнь!». Не принимайте свою жизнь всерьез, но задумайтесь о ней.”

Разбитая мостовая ведет меня к самой реке. Темная, величественная и спокойная водная масса чарует поздних посетителей. Синяя днем, черная ночью. Солнце – это тоже наркотик. Кровь на самом деле черная, она всегда блестит своей чернотой под лунным светом.

Я шел вдоль берега и пытался взглянуть в воду. Она кажется такой плотной, что сунь руку и упруешься в стену. Так много загадок таит в себе ночная тишина. Нужно нырнуть в них и узнать все. Но тогда ты захлебнешься.

Вновь дорога, вновь путь. Я просто иду, уже не разбирая желаний. Куда я шел и зачем? Уже не важно, рано или поздно мы все куда-нибудь выходим. Одно время в метрополитенах был скандал: им запретили писать на указателях: «Выхода нет». Но указатели могли быть правы. Всегда ли есть дорога там, где ищешь? Возможно, стоит развернуться.

Я развернулся и пошел влево. Узкая и неприглядная вначале, широкая потом улица была увешана бельем, оставленным здесь еще вчерашним утром. Утром ты вешаешь, вечером собираешь. Сначала бросаешь, потом поднимаешь. За-

коны просты, сначала одно, потом другое. Но кто пишет законы? Все живут так, будто в жизни есть правила. А их нет.

Голос в голове шумел, как ветер во время шторма. Надвигающуюся бурю выдает затянутое тучами небо. Я двигал ногами, пытаюсь наконец найти освещенную улицу, но на самом деле все еще бродил в потемках. Голова становится все тяжелее. Мысли путаются в порядке; нет в них никакого порядка. Как то раз я проснулся ночью и обомлел: я совсем не узнал своей квартиры. Выйдя в темный коридор с тусклым светом мерцающего мобильного, я стал бродить по комнатам в поисках порядка. Но я не узнавал комнат. Они плясали передо мной, за каждой дверью непременно появилась новая комната, совершенно отличная от предыдущей, и одна новая дверь. Я открывал двери, я включал свет, но свет не всегда вносит ясность в ситуацию. Иногда свет лучше не включать. Я бегал и открывал двери. Комнаты кружились в бешеном танце, выдавая самые необычные и запутанные лабиринты, в которых при монотонном тиканьи настенных часов ползал я. Я запутался. Но когда наступил рассвет, вальс прекратился, все вернулось на свои места, мысли на свои полки. Ночь – самый безумный танцор.

Фонари давно утеряны, рассвета ждать не приходилось. Я бродил по улицам, то поминутно резко меняя направление, то идя в одну сторону, пока не упрусь в тупик. Тупики – частое явление, но я всегда считал, что за каждым из них всегда дорога продолжается, нужно лишь найти обходной путь. И

я искал обход, делая круги и развороты. Мы привыкли считать, что делая круги теряем время, силы, запутываемся. Но, когда спортсмен делает круг, он набирает силу. Чем каждый из нас не спортсмен?

Света все еще не было. Тонкие фонари клонились к самой земле, обнажая все недостатки своих незамысловатых узоров. Мастер, вытачивающий эти узоры, должно быть был пьян, либо сильно угнетен чем-то. Вот, что транслируют эти фонари: угнетение. Оно сочилось из них, заставляя меня вздрагивать при виде все нового фонаря. Они выстраивались в ряды и выставляли напоказ свои уродства. В двадцатых годах прошлого века цирки уродств были популярным развлечением для молодежи и людей средних лет. Когда мир окутывал мрак, в цирках зажигались фонари и открывали зрителям все свои секреты. Многие, порой, ужасали. На утро все происходившее там казалось далекой сказкой, небылицей. Никто не мог поверить, что все было на самом деле. И вот, я в цирке старых фонарей. Ноги набились ватой, и каждый шаг давался мне все с большим трудом. Шея распухла от долгой работы которой я вовсе не занимался, и не желала держаться более. Я шел, а все вокруг замерло в ожидании чего-то. Тишина, которая никогда меня не пугала, все сильнее манила своей красотой. Тишина. Вот, что такое настоящая музыка.

“Люди не могут быть идеальными и не могут создать ничего идеального. Поэтому ничто не идеально. Грязные сви-

нии, порождающие непростительные ошибки. Музыка – не есть искусство. Государство – не есть жизнь. Настоящей жизни нет. Настоящая жизнь она там, в кино. И единственный выход – превратить свою жизнь в фильм.”

Все вокруг утратило свою мелодичность и легкость, сменившись тяжестью, мраком и прозой. Идти больше нет сил. Нет сил больше ходить. Идти и ходить. Вовсе не синонимы.

“Отдыхай” – раздался голос прямо над головой, хотя, возможно, в голове. Мое сердце остановилось, и я упал замертво. В моей голове маячил образ грузного мужчины, в шапке с ушами, кожаной куртке и таких же кожаных меховых перчатках. А моей на голове красовалась шапка с ушами.

Я заблудился в лесу. Кто выведет тебя из лесу, если лес – это ты сам?